

Философская мысль

Правильная ссылка на статью:

Розин В.М. Концепция техногенной цивилизации: проблематизация и характеристика // Философская мысль. 2024. № 9. DOI: 10.25136/2409-8728.2024.9.72048 EDN: BHHNQD URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=72048

Концепция техногенной цивилизации: проблематизация и характеристика

Розин Вадим Маркович

доктор философских наук

главный научный сотрудник, Институт философии, Российская академия наук

109240, Россия, Московская область, г. Москва, ул. Гончарная, 12 стр.1, каб. 310

✉ rozinvm@gmail.com

[Статья из рубрики "Новая научная парадигма"](#)

DOI:

10.25136/2409-8728.2024.9.72048

EDN:

BHHNQD

Дата направления статьи в редакцию:

22-10-2024

Аннотация: Статья начинается анализом концепции техногенной цивилизации В.С. Степина. Указываются проблемы, встающие при ее чтении: каким образом связаны между собой синергетический и системный дискурсы с культурологическим, можно ли сопоставлять как отдельные культуры модерн и его предпосылки (античность и средние века), правильно ли брать для анализа модерн и традиционный тип культуры как единые целые, в то время как они состоят из разных культурных образований. Высказывается предположение, что объяснение модерна с учетом техногенности предполагает не культурологическое сопоставление, хотя оно может тоже использоваться, но как один из аспектов решения, а проведение генезиса модерна, в том числе в плане выяснения проблемы техногенности. Намечается схема подобного генезиса. Переход к Новому времени, по мнению автора, включал в себя формирование государств с разным устройством и вероисповеданиями, становление новых социальных общностей с провозглашением равенства и свободы их участников, смену сакральной картины мира на природу, подчиняющуюся естественным, вечным законам. Эти процессы, включая новый культурный проект, были осмыслены Френсисом Беконем, сформулировавшим

проект овладения природы при условии перестройки сознания человека, создания новой науки (естествознания), основанной на ней «новой магии» (по сути, инженерии), промышленности, опирающейся на научные знания и инженерию, и все это должно было обеспечиваться новой социальной организацией. Различаются, характерные для того времени две концепции природы и техники – «витальная» и «ментальная» и конкуренция между ними. Во второй половине XVIII столетия ментальная техника стала вытеснять витальную, породившую в Европе первый экологический кризис, что выступило предпосылкой формирования инженерии и технологии, а также первой промышленной революции. Проводится их различие. Суммируются сущностные характеристики техногенной цивилизации. Завершается работа обсуждением кризиса техногенной цивилизации.

Ключевые слова:

цивилизация, культура, техногенность, проект, реализация, социальность, кризис, проблемы, мышление, техника

Автор этой концепции В.С. Степин характеризует ее, во-первых, культурологически, противопоставляя техногенный тип цивилизации традиционному, во-вторых, по содержанию (сравнения в этих типах осуществляется на основе понятий личность, ее представлений о природе, будущем, власти, социальном действии), в-третьих, указывая на процессы экспансии техногенной цивилизации. «И есть еще один тип цивилизации, – пишет В. Степин, – он возник позднее, в эпоху великой духовной революции Возрождения, потом Реформации и, наконец, Просвещения. Я этот тип цивилизации обозначаю как техногенную цивилизацию. Ее часто называют цивилизацией проекта Модерн, говорят часто о западной цивилизации, но цивилизация эта уже не западная, она и на востоке уже есть, идет по всему миру, и там есть своя структура ценностей и свой генотип, в соответствии с которым она воспроизводится... В техногенных культурах человек воспринимается как креативное существо, изменяющее окружающий мир, и творческие способности человека рассматриваются как фундаментальные. А деятельность рассматривается как деятельность преобразующая, выстраивающая совершенно новые состояния природы и человеческого социального бытия. В традиционалистских культурах такого нет, там господствует другое понимание. Там человек должен вписываться в окружающий мир, приспосабливаться к нему...Сегодня процесс глобализации – это по существу “обращение” всей планеты в систему ценностей техногенной культуры, где они должны быть базисными и доминирующими. Это, конечно, не значит, что традиционалистские ценности исчезнут – они будут трансформированы, приспособлены, но ведущая роль должна быть за техногенными ценностями» [\[22, с. 5, 7\]](#) .

Концепция В. Степина очень целостная и впечатляющая, тем не менее, у меня есть к ней вопросы. Кроме *культурологического* дискурса, например, сравнение типов цивилизаций и утверждение, что каждая цивилизация проходит «замкнутый цикл» [\[22, с.5\]](#), в работе используется еще два дискурса – *синергетический* и *системный*. Так В. Степин вводит представление о саморазвивающихся системах, понимая их развитие в логике синергетики. Во второй половине XX века, пишет он, «наука втянула в орбиту своего исследования сложные, саморазвивающиеся системы...саморазвитие — это переход от одного типа гомеостазиса к другому типу через фазовый переход, а этот переход есть динамический хаос, он описывается нелинейной динамикой, синергетикой. Он характеризуется тем, что там есть точки бифуркации, есть несколько сценариев

развития» [\[22, с. 7\]](#). Первый вопрос такой: каким образом связаны или соотносятся между собой эти два дискурса с культурологическим, можно ли, например, сказать, что цивилизация модерна сложилась в результате саморазвития определенной традиционной цивилизации (спрашивается, какой, средневековой?) и какие точки бифуркации и факторы определили ее становление?

Второй вопрос касается таких типов традиционной цивилизации как античность и средние века. «Традиционалистских обществ – пишет В. Степин, – много: Древняя Индия и Древний Китай, славянский мир, европейский средневековый и античный мир, все это традиционалистские общества» [\[22, с. 5\]](#). Дело в том, что античность и средние века в соответствие с современными исследованиями являются предпосылками модерна, например, представление о науке и природе разрабатывались в этих культурах (цивилизациях) и были ассимилированы и переосмыслены в модерне. Каким образом в этом случае проводить сопоставление этих традиционных цивилизаций с цивилизацией модерна?

Третий вопрос, как понимать цивилизацию модерна, равна ли она в историческом времени сама себе? Одно дело это XVI-XVII вв., когда эта цивилизация только складывалась, другое XVIII-XIX столетие, когда она уже сложилась, третье XIX и XX вв., когда вступила в полосу кризисов; в настоящее время модерн переживает сложную трансформацию, причем один из сценариев развития заканчивается постмодерном и катастрофой.

Близкий вопрос четвертый, о традиционном типе цивилизаций: здесь очень разные целые (культуры, общества), можно ли все их подводить под одно понятие? На мой взгляд, нет. Понятен замысел В. Степина, понять модерн как техногенную цивилизацию, сравнив его с традиционными цивилизациями. Для этого последним пришлось приписать несвойственные данным культурам (Древняя Индия и Древний Китай, славянский мир, европейский средневековый и античный мир) характеристики и объединить их в один тип.

Такую же задачу (понять сущность модерна в отношении техногенности) пытался решить и М.Хайдеггер. «Люди говорят, что современная техника – нечто совершенно другое в сравнении со всей прежней, поскольку она опирается на точные науки Нового времени... Решающим остается вопрос: в чём существо современной техники, если она дошла до того, что в ней применяется точное естествознание?» [\[24\]](#). В статье «Феноменологическое осмысление М. Хайдеггером техники (на материале статьи "Вопрос о технике")» я показываю, что М. Хайдеггеру эту задачу удовлетворительно решить не удалось. «Хайдеггер так и не объяснил, каким образом на основе естествознания создается техника нового времени. Есть отдельные соображения о роли природы, расчетов, влияния производства, управления и обеспечения («управление и обеспечение делаются главными чертами про-из-водящего раскрытия»), но в целом реконструкция, объясняющая современную технику, отсутствует. Хорошо объяснена только одна сторона техники, названная «поставом», которую я отношу к «технической среде» [\[16, с. 56\]](#).

Решение поставленной М. Хайдеггером и В. Степиным задачи – объяснение модерна с учетом техногенности или характеристика сущности техногенной цивилизации, на мой взгляд, предполагает не культурологическое сопоставление, хотя оно может тоже использоваться, но как один из аспектов решения, а **проведение генезиса модерна**, в том числе в плане выяснения проблемы техногенности. Сюда же относится также

объяснение настоящего взрыва развития техники и ее концепций, начиная со второй половины XVIII столетия, и замена в этот же период и особенно со второй половины XIX столетия естественной среды с элементами техники на искусственную техническую среду [\[17, с. 169-173\]](#). Вот такую сложную задачу я ставлю перед собой. Намечу схематично ее решение, оставив подробную реконструкцию на последующее.

XIV-XVI столетия в Европе характеризуются переходом к Новому времени. Для нашей темы важно обратить внимание на четыре процесса. Первый, переход от единого католического мира и империи к протестантству и кальвинизму, к странам с разными вероисповеданиями и государственным устройством («Вестфальский мир»). Второй процесс, уход со сцены истории сословных отношений и складывание новых социальных общностей с провозглашением равенства и свободы их участников. Третий, формирования нового способа хозяйствования и торговли, ориентированных на точные расчеты и прогнозирование (начало экономики модерна [\[18, с. 84-85\]](#)). Четвертый процесс, смена сакральной картины мира, в соответствии с которой мир создан Богом, который и определяет все процессы, на природу, подчиняющуюся естественным, вечным законам, хотя и установленным Творцом, но существующих уже независимо от Него. Светлана Месяц считает, что «наиболее полно новое понимание природы было выражено в концепции “ренессансного натурализма”. В ней “сотворенная Богом природа сразу же приобретает самостоятельность и развивается дальше по своим собственным законам”» [\[12, с. 349\]](#), а также [\[19, с. 82\]](#)).

Первые три процесса создавали серьезные проблемы (вызовы), требующие своего разрешения. Разные вероисповедания и государственные устройства при ослаблении единого христианского учения и империи вели к социальным конфликтам и войнам; равенство и свобода участников новых социальных общностей обуславливали анархию и конфликты, делавшие невозможным социальный порядок; новые способы хозяйствования и торговли требовали осмысления и обоснования. Частично эти проблемы были смягчены и разрешены формированием европейского государства и права, но только частично, поскольку, в свою очередь, европейское государство и право нуждались в обосновании (скажем, почему нужно было теперь подчиняться не королям, которые все же были сакральными фигурами, а безродным чиновникам и законам, которые установили правоведы и утверждали те же чиновники?) [\[18, с. 86-87\]](#)).

Было и еще одно обстоятельство, требующее своего разрешения. Дело в том, что средневековый «смысловой проект европейской цивилизации» к XIV-XV вв. в основном был завершен. Думаю, многие знают этот проект, хотя и не опознают его как именно проект. Кратко это представление о том, что Бог создал мир и человека; мир преидет и будет второе пришествие, и Страшный суд; чтобы человек был к нему готов, он должен из «ветхого» стать «новым», христианином, жить в соответствие со Священным писанием. Благодаря большой работе, проделанной христианской церковью, к XIV-XV вв. европейский человек, действительно стал христианином, а «парусия» (обещанное через Божественное откровение явление Господа Иисуса Христа во Славе при Втором пришествии) была той же церковью отодвинута в неопределенное будущее, поскольку мешала жизни, создавая ненужные ожидания. Кроме того, к этому времени человек, покинув мысленно небо и Бога, все больше жил земными заботами, культурный смысл которых ему был неясен, поскольку не был выражен в слове. Короче требовался новый культурный проект, дававший смысл земным деяниям, разрешая указанные выше проблемы.

Мое предположение состоит в том, что подобный смысл и решения были предложены

Френсисом Бэконом, сформулировавшим **проект овладения природы при условии перестройки сознания человека, создания новой науки (естествознания), основанной на ней «новой магии» (по сути, инженерии), промышленности, опирающейся на научные знания и инженерию; и все это должно было обеспечиваться новой социальной организацией («Новая Атлантида»)**. «Пусть, – пишет Бэкон, – человеческий род только овладеет своим правом на природу, которая назначила ему божественная милость, и пусть ему будет дано могущество...» [с. 193]. «Здание этого нашего Мира и его строй представляют собой некий лабиринт для созерцающего его человеческого разума, который встречает здесь повсюду столько запутанных дорог, столь обманчивые подобию вещей и знаков, столь извилистые и сложные петли и узлы природы<...> Надо направить наши шаги путеводной нитью и по определенному правилу обезопасить всю дорогу, начиная от первых восприятий чувств<...> но, прежде чем удастся причалить к более удаленному и сокровенному в природе, необходимо ввести лучшее и более совершенное употребление человеческого духа и разума<...> путь к этому нам открыло не какое-либо иное средство, как только справедливое и законное принижение человеческого духа» [4, с. 68-69].

Д.Л. Сапрыкин отмечает, что в книге Джулиана Мартина обращается «внимание на определенное сходство и даже почти полный параллелизм бэконовского замысла реформы науки, в том числе создания научной организации нового типа, и его же замысла реформ государства и права [25] ... на то, что "Новая Атлантида" есть не только произведение о новой научной организации, но прежде всего о модернизированном государстве – империи» [21]. В данном случае нас интересует не Британская империя, а то что Атлантидой управляют ученые, которые хотя и почитают христианство, тем не менее, принимают решения, основанные на рациональных соображениях.

Проект Ф.Бэкона был не совсем проектом, это так мы ретроспективно его опознаем и осмысляем. На самом деле Бэкон писал научные трактаты и, заканчивая жизнь, создал произведение типа утопии. Он, если сравнить с «Государством» Платона, не обсуждал, можно ли идеи и схемы, содержащиеся в этих работах, реализовать и какие для этого нужны условия (оба эти моменты характерны для проектирования). Однако мы знаем из истории, что идеи Бэкона приглянулись многим людям того времени, и они стали воплощать их в жизнь. С точки зрения современности, это выглядит как реализация проекта.

В работах Ф. Бэкона цели науки по сравнению с античностью и средними веками кардинально меняются: они истолковываются сугубо прагматически, соответственно из познания процессов природы ученый и инженер должны извлечь пользу для людей и общества. «Наконец, – пишет Ф. Бэкон в работе "Великое восстановление наук", – мы хотим предостеречь всех вообще, чтобы они помнили об истинных целях науки и устремлялись к ней не для развлечения и не из соревнования, не ради того, чтобы высокомерно смотреть на других, не ради выгод, не ради славы или могущества или тому подобных низших целей, но ради пользы для жизни и практики и чтобы они совершенствовались и направляли ее во взаимной любви» [4, с. 71]. В «Новом органоне» Ф. Бэкон утверждает, что «правильно найденные аксиомы ведут за собой целые отряды практических приложений» и подлинная цель науки «не может быть другой, чем надделение человеческой жизни новыми открытиями и благами» [3, с. 95, 147].

Извлечение пользы у Ф. Бэкона основывалось на новом понимании природы, не только как естественного явления, по Аристотелю, но и как искусственного, по Галилею, показавшего, что для математического моделирования природных процессов необходим

эксперимент, в котором природа нужным человеку образом преобразуется, трансформируется (Ф. Бэкон говорил «стесняется искусством»). «Что касается содержания, – пишет Ф. Бэкон, – то мы составляем Историю не только свободной и предоставленной себе природы (когда она самопроизвольно течет и совершает свое дело), какова история небесных тел, метеоритов, земли и моря, минералов, растений, животных; но, в гораздо большей степени, природы *связанной и стесненной*, когда искусство и служение человека выводит ее из обычного состояния, воздействует на нее и оформляет ее... природа Вещей сказывается более в стесненности посредством искусства, чем в собственной свободе» [\[3, с. 95, 96\]](#) (курсив мой. – В.Р.).

Анатолий Ахутин в своей замечательной книге о природе показывает, что новое понимание природы еще до Галилея и Бэкона наметил и разработал Николай Кузанский. В отличие от существовавшего в то время понимания природы как живого организма и сил (назовем эту концепцию природы «витальной»), законы которой лучше выявляли в своих произведениях художники, чем ученые, Кузанский истолковывает природу, во-первых, как отделенную от Творца и самостоятельно существующую, во-вторых, математически и индуктивно-дедуктивно раскрываемую, в-третьих, как преображаемую человеком (своего рода замысел эксперимента). Сравним первую концепцию со второй (назовем ее условно «ментальной»).

(Витальная концепция природы) «Разумеется, – пишет Ахутин, – открытие природы как художественное открытие относится к эпохе XVI в. к эпохе барокко, и открытие это крайне далеко от какой бы то ни было идилличности... Природа торчит, прорывается и ужасает, не входя ни в какие формы и пазы. Она присутствует как некая неслыханная всевозможность, бесформенная продуктивность, избыточествующий фонтан форм, безразлично множась, подчиняясь единой скрытой силе, скрытому закону. Понятно, почему явление этого нового персонажа на сцене европейской культуры первым почувствовало искусство» [\[1, с.41\]](#).

(Ментальная концепция природы) «Все наши мудрые и божественные учителя, – пишет Николай Кузанский, – сходились в том, что видимое поистине есть образ невидимого, и что творца, таким образом, можно увидеть по творению как бы в зеркале и подобии... Таковы математические предметы. Недаром именно в них мудрецы искусно находили примеры умопостигаемых вещей, и великие светочи древности приступали к трудным вещам только с помощью математических подобий <...>

Поистине Бог применил при сотворении мира арифметику, геометрию и музыку вместе с астрономией – искусства, которыми и мы пользуемся, исследуя пропорции вещей, элементов и движений...» [\[11\]](#). Приписав легендарному Герместу Трисмегисту свои взгляды, Кузанец пишет: «Человек есть второй Бог. Как Бог – творец реальных сущностей и природных форм <...> познавательная задача не столько в том, чтобы воспроизвести конечную случайность окружающего его естественного мира, сколько в том, чтобы проникнуть с помощью его в универсальные методы природного творчества... Естественная вещь должна быть преобразована человеческим искусством так, чтобы в ней проступили универсальные формы природного искусства, составляющие всеобщую суть всех вещей. Так формируется замысел эксперимента» [\[11\]](#)

Витальная концепция природы способствовала и развитию соответствующей техники («витальной»): это домашние животные, ветряные и водяные мельницы, а также печи, работающие на дровах. Витальная концепция и техника два столетия конкурировали с ментальной концепцией и «ментальной техникой». Последняя стала быстро развиваться

после пионерской работы Х. Гюйгенса, создавшего на основе законов, выявленных в естествознании, первый образец инженерных изделий (точные часы). Гюйгенс решал, если сравнивать с Галилеем, обратную задачу: зная закон, выраженный в математической форме, определить реальный процесс природы, который должен был работать на человека. Опираясь на знание механизма свободного падения тел, описанного Галилеем, и свои исследования качания маятника, он определяет условия, при которых реальный природный процесс будет вести себя нужным образом (показал, что часы будут идти точно, если маятник часов будет падать по циклоиде). Остальное было делом техники: Гюйгенс изготавливает направляющую металлическую полосу в форме циклоиды и делает еще ряд изобретений, например, вилочки, поддерживающей равномерное качание маятника. [\[1, с. 160-161\]](#)

Только во второй половине XVIII столетия ментальная техника стала вытеснять витальную, породившую в Европе первый экологический кризис. Этот процесс, как известно, выступил, в том числе, одной из важнейших предпосылок первой промышленной революции. «Во Франции, – отмечает Ф. Бродель, – накануне Революции Лавуазье насчитывал 3 млн. быков и 1780 тыс. лошадей, в том числе 1560 тыс., занятых в сельском хозяйстве...И это для Франции с ее 25 млн. жителей. При равных пропорциях Европа должна была располагать 14 млн. лошадей и 24 млн. быков <...> Во всяком случае, если в других местностях соотношение между водяными мельницами и численностью населения было такое же, как в Польше, их должно было бы насчитываться накануне промышленного переворота 60 тыс. во Франции и примерно 500-600 тыс. в Европе <...> По расчетам одного эксперта, в эти предшествовавшие XVIII в. времена средний металлургический завод, печь которого давала плавки в течение 2 лет, один только пожирал за два года 2 тыс. га леса. Отсюда и напряженность, которая непрерывно усугублялась с подъемом экономики в XVIII в. “Торговля дровами сделалась в Вогезах промыслом всех жителей, всякий рубит как можно больше, и в скором времени леса будут совершенно уничтожены”. Именно из этого кризиса, для Англии латентного с XVI в., в конце концов родится каменноугольная революция» [\[2, с. 373, 381, 391\]](#).

Через несколько десятилетий вся Европа использовала уже машины, действующие на основе каменного угля и бензина; их создание, хотя и не рассчитывалось полностью на основе научных знаний, питалось «духом естествознания».

Смысловой проект Бэкона основывался именно на ментальной концепции природы. Он позволил осмыслить и обосновать указанные выше процессы. Образование отдельных вероисповеданий и европейских государств, а также новых социальных общностей было понято как естественный процесс формирования наций. «Понятие “нация” получило широкое распространение в период формирования современных государств, сменивших феодальные династические и религиозные государственные образования. Для государства Нового времени характерно создание единых систем управления, рынка и массового образования, что привело к распространению культурно-языкового единообразия, которое пришло на смену локальному своеобразие. Происходило утверждение общих гражданских и правовых норм, общей идентичности... В XVIII веке начинается процесс “изобретения наций” и их истории, в который включаются представления о “народных традициях” и “исторических корнях”» [\[13\]](#). Эти традиции и корни, но особенно язык и территория, понимались именно как особая природа.

Кант и Гегель добавили к этому диалектическую установку, сочетающую природную свободу личности и ее же разумное принятие требований общества (законов и обычаев).

«Государство, по Гегелю – не продукт соглашения отдельных лиц, а безусловное и самоцельное единство. Свобода достигает в этом единстве своего высшего права, но, с другой стороны, в подчинении государству заключается и её высшая обязанность. Руссо был прав, разъясняет Гегель, указав границы государства в воле; но он понимал волю не со стороны её всеобщности и разумности, а со стороны её временного и случайного определения в сознательном соглашении отдельных лиц. Государство есть организм свободы, но этот организм есть вместе с тем осуществление вечной объективной идеи. Примиряя таким образом существующее с разумным и личность с государством, Гегель не устранял ни идеальных начал, ни личных требований: он утверждал только, что эти начала и требования осуществляются в истории, в постепенном процессе развития, что существующее и прошлое представляют собой необходимые ступени в переходе к будущему, что идеальные построения должны находить для себя опору в действительности» [\[7\]](#). Опять же «вечная объективная идея», «история» понимались Гегелем как природа духа.

Формирование европейской экономики тоже часто понимается в естественном ключе. Например, с точки зрения В.А. Колпакова. «экономика становилась наукой, способной соперничать с физикой в открытии объективных законов, и А. Смит, несмотря на исторические, культурные и прочие интересы, следовал в главном парадигме Ньютона, находя закономерность, гармонию и упорядоченность уже не в физическом мире, а в мире человеческих отношений. В лучших научных традициях своего времени он прежде всего наблюдал экономические отношения, чтобы затем объяснить их природу и закономерности. Природа, в том числе человеческая природа, была для Смита созданной Богом машиной, цель которой – человеческое счастье» [\[23, с. 161-162, 165-166\]](#).

Известно, трактовка социальных и экономических отношений как природных сталкивается с рядом затруднений, тем не менее, многие исследователи ее проводят и верят, что эти отношения пусть особая (например, «вторая»), но все же природа. Кстати, верил в это и Кант, что видно по его работе «К вечному миру».

Не стоит думать, что один только Ф. Бэкон конституировал новый смысловой проект модерна, были его последователи и другие философы, работающие над этим проектом и его реализацией. Например, к ним можно отнести Ж.А. Кондорсе, указавшего на связь науки и инженерии с промышленностью, наметившего этапы развития новой цивилизации. «"Прогресс наук (пишет он в книге 'Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума'. – В.Р.) обеспечивает прогресс промышленности, который сам затем ускоряет научные успехи, и это взаимное влияние, действие которого беспрестанно возобновляется, должно быть причислено к более деятельным, наиболее могущественным причинам совершенствования человеческого рода". С прогрессом наук Кондорсэ связывает увеличение массы продуктов, уменьшение сырьевых и материальных затрат при выпуске продуктов промышленности, уменьшение доли тяжелого труда, повышение целесообразности и рациональности потребления, рост народонаселения и в конечном итоге устранение вредных воздействий работ, привычек и климата, удлинение продолжительности человеческой жизни...В последней главе, посвященной десятой эпохе, Кондорсэ намечает основные линии будущего прогресса человеческого разума и основанного на нем прогресса в социальной жизни человека: уничтожение неравенства между нациями, прогресс равенства между различными классами того же народа, социального равенства между людьми, наконец, действительное совершенствование человека» [\[14, с. 149, 151-152; 9\]](#).

Тем не менее, в реконструкции генезиса не указываются многие исторические

особенности, важно выделение главных этапов развития и центральных фигур, одной из которых, на мой взгляд, является Ф. Бэкон.

Прежде чем перейти к характеристике техногенности, стоит обратить внимание на еще два процесса, обусловленные реализацией нового проекта: формирование технологии и больших техносоциальных проектов (один из первых был «атомный проект»). Я показываю, что технология складывалась примерно в тот же период второй половины XVIII и в XIX столетии не как еще один новый вид инженерии, а как *рациональная, научная организация индустриального производства в условиях капиталистической конкуренции*. Для нее характерны три момента: описание операций и их условий; установка на качество, экономию, стандартизацию; рациональная организация и управление деятельностью [\[20, с. 173-179\]](#). Большие техносоциальные проекты (атомный, полет на Луну, СОИ, АЭС, Интернет, мобильная связь и др.) – это органический синтез научно-инженерных разработок и технологии. [\[17, с. 197-199\]](#)

Техногенная цивилизация стала складываться не раньше XVIII столетия после успешной реализации двух проектов – овладения природой и Просвещения, а также развития промышленности, опирающейся на инженерию и технологию. В XIX и XX столетиях происходит настоящий взрыв развития техники, формирование технической среды, технической картины мира, массового технического мироощущения (сознания). Здесь действовали много факторов: создание технических изделий на основе изучения процессов природы, которых открывалось (и создавалось в рамках «техноприроды») все больше и больше; своеобразного тандема «исследование – инженерные разработки» (первые нуждались в экспериментах и технике, а вторые в дополнительных исследованиях); взаимодействие инженерии и технологии, это тоже порождало новые исследования и технические разработки; исследовательские и технические задачи, немислимые прежде, например, проекты электростанций и передачи электричества на большие расстояния, полета на Луну, создания атомной бомбы, мобильной связи, СОИ и др. [\[17, с. 197-204, 211-217\]](#) Реализация этих разработок и проектов обусловили три основные цивилизационные трансформации: образование вместо естественной природной среды с элементами техники сплошной искусственной технической среды (прежде всего, конечно, в городах), изменение образа жизни человека под влиянием машин, транспорта, электричества, телеграфа, радио, наконец, становление нового мировоззрения и видения, технического. Эти техногенные изменения описаны в философии техники и художественной литературе. Одно из направлений концептуализации подобных изменений в философии техники – исследование «технократического дискурса», с которым можно познакомиться по книге Виталия Рачкова.

«Самым модным и расхожим тезисом сегодня, – пишет он, – является: отныне все зависит от техники, поскольку несомненно мы находимся в обществе, созданном целиком техникой и для техники... Как только человек осознает какую-то проблему или опасность, так сразу же можно сказать, что он берется за ее рассмотрение и решение, и, можно сказать, что она уже потенциально разрешена. Иначе говоря, существует негласная установка, что каждое затруднение нашего мира, если на него выделяется достаточно технических средств, людских и денежных ресурсов, преодолевается по мере того, как за него принимаются всерьез. Более того, любое достижение в области науки и техники призвано решать определенное число проблем. Или, точнее, перед лицом опасности, конкретной, лимитированной трудности, люди обнаруживают неизбежно адекватное техническое решение. Это происходит из того, что это – само движение техники; это отвечает также на глубокое убеждение, общее для общественного мнения

индустриальных стран, что все может быть сведено к техническим проблемам <...>

В идеологическом плане такое сознание утверждает себя на основе идей прогресса и нормализации (стандартизации всего); для технически ориентированного сознания характерна установка на непрерывный рост, а также ускорение, наконец, такое сознание блокирует все формы мысли, угрожающие существованию технической реальности» [\[15, с. 32, 54-55, 201-205\]](#).

Техногенную цивилизацию поддерживают все основные институты модерна, прежде всего, образование и власть. Они, как правило, сопротивляются предложениям, направленным на ограничение техногенных процессов. «С самого начала своего зарождения, – пишет Рачков, – техническая система ускользает из-под контроля общественного мнения, ни разу еще не удавалось сократить то или иное техническое предприятие ввиду риска под воздействием общественного контроля. Господствовать над техническими средствами становится труднее не только общественному мнению, но и специалистам. Тем более что чаще всего мы даже и не понимаем проблему: мы начинаем интересоваться контролем за техникой только тогда, когда она затрагивает самые тривиальные проблемы традиционной морали – биотехнология, искусственное зарождение, оплодотворение, ин витро и т.д. Вот это стоит того, чтобы создавать этические и контролирующие комиссии, созывать коллоквиумы и семинары, которые ничего реально не могут ни сделать, ни предложить, но на которых вырабатываются нормы и точки отсчета, полезные не более, чем Хартия о правах человека, потому что несмотря на все благие пожелания, упомянутые технические средства являются лишь фрагментом совокупности технической системы, контроль за которой возможен лишь, если контролировать все» [\[15, с. 141-142\]](#).

Суммируя, можно указать пять основных сущностных характеристик техногенной цивилизации Первая, смысловой проект Ф. Бэкона, его можно назвать «геномом» техногенной цивилизации. Вторая характеристика, «техногенные практики» – естествознание, инженерия, технология, промышленность. Третья, «техногенные формы сознания», с одной стороны, характерные для специалистов (ученых, инженеров, технологов, менеджеров), с другой – для обычных людей, пользователей техники. Четвертая характеристика, «социальные институты», поддерживающие техногенные процессы. Пятая, «техногенные формы концептуализации», начиная с технократического дискурса, технического образования, пропаганды техники, кончая искусством (утопии, научно-фантастические романы, произведения самых разных жанров, затрагивающие технические темы).

Но почему техногенная цивилизация переживает кризис и что он собой представляет? Чтобы ответить на эти вопросы, нужно вернуться в начало становления техногенной цивилизации и подумать над ее проектным характером. Проект предполагает реализацию, в случае социального проектирования по отношению к социальным объектам (социальности). А социальность существенно различалась в отдельных странах: историей, культурой, традициями, личностью правителя, особенностью поддерживающей его элиты, составом и культурой населения и рядом других моментов. Социальность объективна, она обуславливает направление развития страны, в том числе выбор демократических или авторитарных (и тоталитарных) форм управления. Например, в России социальность определила интерес к марксистскому проекту, способствовала победе большевиков, блокирует либерально-демократические институты, поддерживает доверие к существующей власти. С точки зрения типа государства и власти этот тип социальности лучше описывается проектом государства Гоббса. В США тип социальности

более отвечает проекту Локка и Монтескье.

Реализация проектов техногенной цивилизации («Ф. Бэкона», «Просвещения», «Образования», «Промышленности» и др.) тоже была обусловлена социальностью, правда, не отдельной страны, а в целом социальностью Европы. Например, последователи Ф. Бэкона были уверены, что все явления, в том числе социальные и антропологические, представляют собой природу, разные ее виды, но подчиняются единым вечным законам. Даже Кант еще так думал, считая, например, что природа рано или поздно заставит государства прекратить войны и прийти к миру. «Предварительное установление природы, – пишет он, – состоит в следующем: 1) она позаботилась о том, чтобы люди имели возможность жить во всех краях земли; 2) посредством войны она рассеяла людей повсюду, забросив их даже в самые негостеприимные края, чтобы заселить их; 3) войной же она принудила людей вступать в отношения, в большей или меньшей степени основанные на законе... Так же как природа, с одной стороны, мудро разделяет народы...так, с другой стороны, она соединяет через взаимный корыстолюбивый интерес те народы, которых понятие права всемирного гражданства не оградило бы от насилия и войны...Именно таким способом самим устройством человеческих склонностей природа гарантирует вечный мир, но, конечно, с надежностью, недостаточной, чтобы (теоретически) предсказать время его наступления, но тем не менее практически достижимой и обязывающей нас добиваться этой (не столь уж призрачной) цели» [\[8, с. 26\]](#).

Но это оказалось не так, уже в XIX столетии некоторые мыслители поняли, что не существует вечных законов для разных типов природ (отсюда, например, во второй половине этого столетия была сформулирована известная оппозиция «наук о природе и наук о духе»). Что проект Бэкона, обещавший могущество и счастье человека (последнее убеждение разделяет Ф. Бон, утверждавший, что все цели развития техники подразумевают счастье человека [\[5, с. 26\]](#)), возможно нереализуем. На это указывали: разрыв в благосостоянии между бедными и богатыми, социальная несправедливость, мировые войны и ряд других факторов. Однако преимущества реализации проектов техногенной цивилизации долгое время все же перевешивали эти проблемы: благосостояние в целом возрастало, продолжительность жизни постепенно увеличивалась, образ жизни и возможности были достаточно удовлетворительные и разнообразные.

Таким образом, результат реализации проектов техногенной цивилизации был двоякий: и положительный и негативный. Именно последнее обусловило, с одной стороны, выдвижение новых проектов (социалистов, Маркса, построения государства всеобщего благосостояния, религиозных), реализация которых мыслилась часто в том же техногенном ключе, с другой – постепенную девальвацию смысла техногенных проектов. В настоящее время эта девальвация достигла своего апогея: природа и техника стали пониматься не только как источник благосостояния, но и многих угроз (экологический кризис, пандемии, возможность гибели со стороны космоса, загрязнение естественной среды, техногенные катастрофы, гибель от ядерной войны и пр.); социальные институты техногенной цивилизации, особенно государство, во многом перестали выполнять свои функции и используются не по назначению (коррупция, рентостроительство, захват пассионарными сообществами, вменение населению нужных концепций и др.) [\[10\]](#). Не должны ли мы в связи с этим утверждать, что техногенная цивилизация (не наука и техника, а прежде всего европейский тип социальности) склоняется к своему закату и завершается как культура? Я склонен считать именно так, что не означает гибели, а переход к новому этапу жизни – становлению следующей большой культуры

«фьючекультуры». Вопрос, сохраниться ли при этом техногенная цивилизация – тема как дальнейших исследований, так и выбора человечеством способа своей дальнейшей жизни.

Библиография

1. Ахутин А. Понятие «природа» в античности и Новое время («фюсис» и «натура»). М.: Наука, 1988. 205 с.
https://aspirant.urfu.ru/fileadmin/user_upload/site_44_4680/prochee/Akhutin__A._V._-_Ponjatie_priroda_v_antichnosti_i_v_Novoe_vremja__fjusus_i_natura___M.__1988.
2. Бродель Ф. Структуры повседневности. Возможное и невозможное // Фернан Бродель Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. пер. с фран. Л.Е. Кубелля. Т. 1. М.: Прогресс, 1986. 609 с.
3. Бэкон Ф. Новый органон. М.: Соцэкгиз, 1935. 244 с.
4. Бэкон Ф. Великое восстановление наук. Соч. в 2 т. Т. 1. М.: Мысль, 1971. 590 с.
5. Горохов В.Г. Философствующие инженеры и первые философы техники // Философия техники: история и современность. ИФРАН, 1997. С. 11-38.
6. Гюйгенс Х. Три мемуара по механике. М.: Издательство Академии наук СССР, 1951. 377 с.
7. Естественное право. URL: https://ru.wikipedia.org/wiki/Естественное_право.
8. Кант И. К вечному миру // Электронная библиотека. Гражданское общество в России. URL: http://www.civisbook.ru/files/File/Kant.K_vechnomu_miru.p.
9. Кондорсэ Ж.А. Эскиз исторической картины прогресса человеческого разума. Перевод И.А. Шапиро М.: Государственное социально-экономическое издательство (СОЦЭКГИЗ), 1936. 266 с.
10. Кревельд М. Расцвет и упадок государства. М.: ИРИСЭН, 2006. 544 с.
11. Кузанский Н. Об ученом незнании. URL: http://www.theosophy.ru/lib/de_docta.htm.
12. Месяц С. Природа // Новая философская энциклопедия в 4 т. Т. 3. М.: Мысль, 2001. С. 346-352.
13. Нация. URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Нация>.
14. Огурцов А.П. Философия науки эпохи Просвещения. ИФ РАН. М., 1993. 213 с.
15. Рачков В.П. Техника и роль в судьбах человечества. Свердловск: Упринформпечать, 1991. 328 с.
16. Розин В.М. Феноменологическое осмысление М. Хайдеггером техники (на материале статьи «Вопрос о технике») // Философия науки и техники 2023. Т. 28. № 2. С. 49-62.
17. Розин В.М. Природа и генезис техники. М.: Де-Либри, 2024. 390 с.
18. Розин В.М. Становление экономики в Европе XVIII столетия как осознанной научной реальности и дисциплины // Философия науки и техники 2020. Т. 25. № 1. С. 81-95.
19. Розин В.М. Природа: Понятия и этапы развития в европейской культуре. М.: ЛЕНАНД, 2017. 240 с.
20. Розин В.М. Становление технологии / Розин В.М. Природа и генезис техники. С. 173-179.
21. Сапрыкин Д.Л. «Научный орден» Френсиса Бэкона: зарождение научного общества нового типа. URL: <https://www.metodolog.ru/00392/00392.html>.
22. Степин В.С. Коренной перелом цивилизации // Экология и жизнь. – 2012 . № 5 . С. 10-14. URL: <http://www.ecolife.ru/exlibris/50398/>.
23. Федотова В.Г., Колпаков В.А., Федотова Н.Н. Глобальный капитализм: три великие трансформации. М.: Культурная революция, 2008. 608 с.
24. Хайдеггер М. Вопрос о технике. 1993. URL: http://bibikhin.ru/vopros_o_tekhnike.
25. Martin J. Francis Bacon, the State, and the Reform of Natural Philosophy. Cambridge UP, 1992. p. 72-171.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Рецензируемая статья посвящена обсуждению проблемных аспектов техногенной цивилизации. Избранная автором тема обладает несомненной актуальностью в теоретическом отношении, и, пожалуй, звучит злободневно, если говорить о её практическом, социально-экономическом и политическом, измерении. Последнее замечание связано с тем, что возможности развития человечества, открывшиеся в период формирования «проекта модерн», сегодня исчерпаны. Уже несколько десятилетий назад была констатирована невозможность дальнейшего «экстенсивного» развития человечества (что связано, прежде всего, с исчерпанием ресурсов и возникновением экологических проблем), а в последние годы всё убедительнее звучат голоса экономистов, обосновывающих взгляд о достижении пределов роста буржуазного общества, обусловленных изменением социально-экономических отношений и возникновением социальных групп, «не вписывающихся» в глобальный «западный проект». В этой связи автор статьи по нескольким направлениям «проблематизирует» концепцию техногенного общества и обсуждает возможности её критики или концептуального совершенствования. Так, он обращает внимание на использование В.С. Стёпиным, одним из исследователей, пытавшихся осмыслить проблемы техногенной цивилизации в рамках целостной концепции, помимо «культурологического дискурса» также «синергетический» и «системный» дискурсы. Однако, как отмечает автор статьи, при этом остаётся неопределённым вопрос о том, «каким образом связаны или соотносятся между собой эти два дискурса с культурологическим, можно ли, например, сказать, что цивилизация модерна сложилась в результате саморазвития определенной традиционной цивилизации, ... и какие точки бифуркации и факторы определили ее становление»? Кроме того, автор затрагивает вопросы типов традиционной цивилизации, выступавших в качестве предпосылки «общества модерн», соотношения периодов его становления и зрелости, вопросы глубоких различий между традиционными обществами, которые, действительно, трудно подвести под какое-либо единое понятие и при этом избежать его «выхолащивания», то есть того, что оно окажется крайне абстрактным. Автор справедливо указывает на то, что конкретный исторический материал не допускает подобного «формального» подхода, вследствие чего, те, кто пытались или пытаются выстроить некую единую схему развития человечества, неизбежно сталкиваются с трудностями, побуждающими совершать насилие над фактами. В процессе рассмотрения подобных трудностей автор привлекает множество интересных источников и критической литературы, демонстрирует читателю «открытость» этой проблематики, а тем самым и побуждает его к собственным размышлениям. Ещё активнее дискуссионный момент статьи звучит в её завершающей части, в которой автор высказывает «пессимистическую» точку зрения, заключающуюся в том, что «европейский тип социальности» «склоняется к своему закату и завершается как культура», и нас (может быть) ожидает «переход к новому этапу жизни – становлению следующей большой культуры», «фьючекультуры». При этом, осторожно замечает автор, окончательное решение остаётся за самим человечеством, на плечи которого в сложившейся драматичной ситуации лёг столь непростой выбор путей дальнейшего существования. Статья читается очень легко, может быть, имеет смысл на завершающем этапе работы над текстом структурировать его с помощью подзаголовков, выделить заключение как элемент статьи, содержащий теоретические выводы, сократить

громоздкие цитаты. Тем не менее, не приходится сомневаться, что даже в своём сегодняшнем виде статья найдёт благодарного читателя, рекомендую принять её к публикации в научном журнале.